

ГОЛОСЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 19

Пятница, 11 (24) мая 1901 г.

№ 19

Директоръ Сморчковъ.

(Изъ воспоминаній письмоводителя).

Нашъ директоръ (назовемъ его для ясности разсказа) Василий Никандровичъ Сморчковъ считался однимъ изъ лучшихъ педагоговъ въ округѣ. О немъ говорили, что онъ „европейски образованный человѣкъ“, честный, гуманный, энергичный. Объ его гуманности и энергіи даже писали въ мѣстныхъ газетахъ. И правда, на первыхъ порахъ своего пріѣзда въ нашу гимназію, обращеніемъ и разговорами онъ произвелъ на насъ очень выгодное впечатлѣніе. Съ преподавателями и со всѣми служащими обошелся откровенно любезно, даже ласково, а, во время представленія ему учениковъ, сказалъ „блестящую“ рѣчь, въ которой очень долго распространялся о гуманности, добрыхъ началахъ, истинныхъ завѣтахъ, помощи къ ближнему, любви къ отечеству и проч.,—все такъ красно, такъ гладко, такъ хорошо.—„Ну, думаемъ, новый директоръ, должно быть, человѣкъ добрый“. Но скоро намъ пришлось разочароваться.

Несмотря на свои молодые лѣта (ему было 34 года), Василий Никандровичъ оказался человѣкомъ „старыхъ правилъ“, и сильно придерживался девиза: „подчиненнаго гни въ дугу, начальнику кланяться ниже кармановъ“. По крайней мѣ-

рѣ, въ городѣ онъ заискивалъ у всѣхъ, кто только стоялъ выше его; особенно же лебезилъ предъ губернаторомъ и губернаторшей. И наоборотъ, требовалъ безграничнаго себѣ поклоненія со стороны подвѣдомственныхъ ему лицъ, кто бы они ни были, начиная съ послѣдняго сторожа до заслуженнаго преподавателя, хотя бы послѣдній былъ старше его лѣтами и въ чинахъ. Противорѣчить ему никто не смѣлъ, а не то такой субъектъ сейчасъ же записывался въ кондуктійный списокъ, и о немъ доносилось въ округъ, какъ о человѣкѣ „неблагонамѣренномъ“. Съ этою цѣлью у него для каждого преподавателя, для каждого чиновника и даже для каждого сторожа были заведены особыя книжечки въ 16-ю долю писчего листа въ синенькой обложкѣ, куда аккуратно заносились всѣ, даже малѣйшіе проступки такъ или иначе, по мнѣнію Сморчкова, провинившихся чиновниковъ. Любимые учениками преподаватели Лямбе и Черкезовъ попали въ кондуктій за то только, что не сдѣлали ни одной записи о проступкахъ учениковъ. На что ужъ скромный и безобидный нашъ батюшка о. Сергѣй, и тотъ былъ записанъ въ кондуктій. Потому, видите ли, что „его ученики не боятся“.

Уже черезъ двѣ недѣли послѣ своего пріѣзда, Сморчковъ сталъ ломать существующій учебный строй и переиначивать въ гимназіи всѣ порядки „по-германскому“, какъ онъ говорилъ, „образцу“.

Были заведены разные новые учебные дневники, тетрадки, вѣдомости объ отбѣткахъ въ поведеніи и успѣхахъ—дневныя, недѣльныя, мѣсячныя, четвертныя и полугодовыя, которыя, въ свою очередь, дѣлились еще на общія, классныя и по каждому предмету отдѣльно. Особенно вниманіе его было обращено на проступки учениковъ. Чтобы усилить нравственность, а главное сдѣлать „вѣренную“ ему гимназію „образцовой“ во всемъ округѣ, онъ придумалъ цѣлыхъ семь разныхъ журналовъ для записи туда этихъ проступковъ. Такъ, былъ кондуктійный списокъ классный, который постоянно находился у классныхъ наставниковъ, и въ него записывались не только проступки, успѣхи, поведеніе, но и имущественное и семейное положеніе учащихся. Потомъ были „вспомогательные“ журналы: кондуктійный класснаго надзора и такой же вѣткласснаго надзора, далѣе журналъ для записи отсутствующихъ учениковъ, книга пропущенныхъ уроковъ по уважительнымъ и неуважительнымъ причинамъ, дневникъ непосѣщенія церковнаго богослуженія (по каждому классу отдѣльно) и, наконецъ, общій кондуктій. И Сморчковъ настойчиво требовалъ не только отъ надзирателей и классныхъ наставниковъ, но даже отъ учителей частныхъ предметовъ, письмоводителя и бухгалтера, возможно большаго количества записей въ эти журналы, за чѣмъ неуклонно слѣдилъ самъ, посвящая

На улицахъ Брестъ-Литовска послѣ пожара.
Съ фотографіи Ш. Германовича въ Брестъ-Литовѣ къ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

на просмотр их по два часа каждый день. Если чья-либо запись отсутствовала, то провинившемуся преподавателю, а особенно надзирателю тотчас-же дѣлалось замѣчаніе, и не просто, а на бумагѣ, въ приказѣ по гимназіи* съ предупрежденіемъ еще большихъ взысканій. И надзиратели, чтобы не лишиться куса насущнаго хлѣба, не были прогнанными въ качествѣ негодныхъ къ службѣ чиновниковъ, усердствовали по-истинѣ не въ мѣру, доходя въ своихъ записяхъ иногда до смѣшного.

Выйдетъ, бывало, ученикъ за ворота своего дома въ ситцевой рубахѣ—сейчасъ его въ кондуитъ, надѣнетъ бѣлую фуражку при сѣрыхъ брюкахъ—въ кондуитъ, оторвется пуговица у пальто—въ кондуитъ, нѣтъ ярлычка у шинели—въ кондуитъ, нѣтъ перчатокъ, башлыка, калошъ, платка—въ кондуитъ, словомъ все въ кондуитъ, не взирая на то, въ состоян-ли ученикъ или его родители купить платокъ, башлыкъ и проч. И за все такое, можно сказать, ничтожные проступки, (впрочемъ, даже въ сущности не проступки), назначалось соотвѣтствующее наказаніе, до карцера включительно. Самъ директоръ ежедневно (когда была хорошая погода) водилъ учениковъ на гимнастическую прогулку и, возвращаясь оттуда, приводилъ въ канцелярію каждый разъ не менѣе десятка воспитанниковъ, и непременно мальшей, по его мнѣнію провинившихся чѣмъ-либо (а больше ничѣмъ), и тутъ же на глазахъ у всѣхъ производилъ имъ „судъ и расправу“, записывая въ кондуитъ, отбиралъ билеты и назначалъ то или другое наказаніе, а письмоводителя заставлялъ выдавать иголки, нитки, пуговицы и прочія принадлежности туалета тѣмъ изъ учениковъ, у которыхъ, при осмотрѣ директоромъ, этихъ вещей не оказалось, и ученики тамъ же въ канцеляріи пришивали ихъ и починали изорванное.

Эти часы Сморговскаго суда были, по истинѣ, трагикомичны. Становилось грустно. Вотъ гдѣ былъ „смѣхъ“ сквозь невидимыя слезы!

— Эй, тамъ!—кричалъ на учениковъ директоръ.—Становитесь по алфавиту!

Дѣти, малъ-мала меньше, „приготовники“, первоклассники; гдѣ ужъ имъ думать объ алфавитѣ, всѣ перетрусилы, душа въ пятки ушла.

— Ну, вы такіе-сякіе, говорите, я васъ!..

Сквозъ слезы, плачъ, рыданія, въ отвѣтъ раздавались пискливые голоса: „Сидоровъ, Петровъ, Рыковъ“...

— По алфавиту, чертъ побери!—оралъ директоръ и топалъ на малышей ногами.

Наконецъ, кое-какъ, съ руганью и бранью, достигался „алфавитный порядокъ“.

— Отдайте письмоводителю билеты! А вы, Павелъ Степановичъ, запишите Петрову „являться въ 8½ утра въ гимназію въ теченіе трехъ дней“.

Письмоводитель принималъ билеты, вырѣзывалъ изъ бумаги закладки, на которыхъ писалъ, къ какому наказанію приговоренъ тотъ или другой ученикъ, вкладывалъ ихъ въ билеты и клалъ ихъ въ порядкѣ на письменный столъ директора.

Во время классныхъ занятій надзоръ за учениками удваивался. Помимо постоянно дежурившихъ въ корридорахъ трехъ надзирателей и шмыгавшихъ взадъ и впередъ секретаря педагогическаго совѣта, инспектора и самого директора, для наблюденія за воспитанниками и порядкомъ были выставлены гимназическіе сторожа: одинъ стоялъ у клузета, другой у часовъ, третій—на нижней площадкѣ. И всѣ они о каждомъ малѣйшемъ проступкѣ ученика немедленно должны были доносить инспектору для „надлежащаго“ внесенія въ журналъ „класснаго надзора“, куда также записывались всякія мелочи. Толкнеть нечаянно одинъ

ученикъ другого—въ кондуитъ и правого, и виноватаго; поздороваешься 8-лѣтній ребенокъ не такъ или не во-время съ преподавателемъ—туда же его. Попадались, напр., такіе записи: „не было дневника“, „забылъ изъ дома принести задачникъ“, „подаль преподавателю тетрадь не въ обложкѣ“, „не записалъ въ дневникъ урока“, „не выучилъ урока греческаго языка“, „на урокъ математики подсказывалъ ученику Петрову“ и т. д. все въ этомъ родѣ.

Такихъ записей у нѣкоторыхъ воспитанниковъ набиралось за зиму до 150—200. И какъ ни странно, онѣ имѣли большое вліяніе на отбѣтки въ поведеніи и успѣхахъ, даже не рѣдко грозили „негласнымъ“ исключеніемъ изъ гимназіи**).

Послѣ уроковъ въ корридорахъ гимназическихъ начинался стонъ и шумъ. Не думайте, чтобы это шумѣли воспитанники! Нѣтъ, это инспекторъ производилъ расправу съ провинившимися, крича и называя подлецами, арбешни зми, свиньями, и собственноручно тащилъ ихъ за шиворотъ въ свою комнату...

Но больше всего было смотрѣть на то, какъ директоръ распоряжался учениками во время богослуженія въ церкви, куда ихъ, какъ невольниковъ, пригоняли***) каждую субботу ко всенощной и въ праздники къ обѣднѣ. И самъ Сморгковъ, но особенно инспекторъ Передвиженскій и помощники классныхъ наставниковъ безпрестанно поправляли ихъ, подтыкали, переставляли съ мѣста на мѣсто, изъ задней шеренги въ переднюю, слѣва направо, слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, за поворотами, поклонами и всякую, по ихъ мнѣнію, неправильность сейчасъ же заносили въ кондуитъ и подвергали ребенка наказанію. И дѣлалось это на глазахъ у публики!... Судите сами, что должны были испытывать въ это время воспитанники!..

Чтобы воспитанники приучались къ аккуратности и „точному исполненію приказаній начальства“, Сморгковъ придумалъ разныя дежурства: въ залѣ, на площадкѣ, утреннія, въ большую перемену, съ безобѣдниками, въ церкви и т. д., которые отнимали массу дѣловаго времени и у воспитанниковъ, и у преподавателей. Выдумывалъ для учениковъ крайне обременительныя правила для изученія древнихъ и новыхъ языковъ, для пользованія книгами изъ бібліотеки, ношенія форменной одежды, посѣщенія садовъ и театра, прогулокъ по улицамъ, времени подготовки къ урокамъ и, что всего страннѣе, времени пользованія врачебной помощью. И все это, не забудьте, дѣлалось „по протоколу педагогическаго совѣта“, такъ сказать, облакалось въ форму обязательнаго постановленія, въ форму закона.

Ради показанія своей дѣятельности предъ окружнымъ начальствомъ, Сморгковъ приказывалъ секретарю совѣта писать протоколы „пространно“ и пичкалъ туда такіе предметы, которые совсѣмъ не подлежали обсужденію совѣта. Послѣ подписанія членами составленныхъ секретаремъ протоколовъ, Василій Никандровичъ поправлялъ и переименовывалъ ихъ по своему, приказывалъ писцу заносить въ книгу и въ этомъ исправленномъ видѣ снова заставлялъ членовъ подписывать протоколы.

Гимнастику, какъ предметъ обязатель-

*) „Негласное“ исключеніе заключалось въ томъ, что директоръ призывалъ къ себѣ отца (или мать) ученика и предлагалъ подать прошеніе объ увольненіи его изъ гимназіи „по домашнимъ обстоятельствамъ“.

**) Я говорю „пригоняли“, ибо всякое опаздываніе, хотя бы на десять минутъ, записывалось въ кондуитъ и сопровождалось наказаніями въ той или иной мѣрѣ. Записъ опоздавшихъ велъ для того прпснобленый гимназическій сторожъ.

наго обученія для физическаго развитія дѣтей, Сморгковъ не признавалъ, а замѣнилъ эти часы прогулками по городу „военнымъ строемъ“. Зато ввелъ обязательное преподаваніе пѣнія и музыки. Последняя была разрѣшена попечителемъ округа „съ производствомъ на сей предметъ ежегоднаго расхода изъ специальныхъ средствъ въ 560 р.“. Но нашъ директоръ въ теченіе 5 мѣсяцевъ умудрился издержать на музыку 1,600 руб.

Ученики въ музыкальный классъ вербовались положительно силкомъ. Завѣдывалъ этимъ классомъ нѣкто Погорѣловъ, который не имѣлъ никакого понятія о музыкѣ, даже не игралъ ни на какомъ инструментѣ и только преподавалъ сольфеджіо, властной рукой ставя ученикамъ колы да двойки, за которыя бѣдныхъ гимназистиковъ наказывали, оставляли безъ обѣда и насильно заставляли учиться. Изъ 42-хъ учениковъ, набранныхъ въ классъ въ началѣ сезона, къ концу учебнаго года осталось шесть, да и тѣ ничему не научились. А между тѣмъ Погорѣлову аккуратно платилось жалованіе по 75 руб. въ мѣсяць.

Согласно существующимъ узаконеніямъ, директоръ гимназіи не имѣлъ права расходовать болѣе 30 руб. на хозяйственные надобности и до 300 руб., съ согласія членовъ хозяйственнаго комитета, на учебныя пособія. Но Сморгковъ не признавалъ этого закона. Онъ издалъ „Памятную книжку гимназіи“ въ 20 печатныхъ листовъ, куда натолкалъ статьи свои и своихъ любимцевъ, и это изданіе обошлось въ 770 руб., помимо ежегоднаго расхода въ 400 р. на прочія типографскія работы. Накупилъ ненужной мебели, устраивалъ для себя изящныя клезеты, настилалъ паркетные полы, оклеивалъ чугунныя лѣстницы линоліумомъ и производилъ ежегодный ремонтъ гимназическаго зданія, даже дѣлалъ разныя закупки для благотворительныхъ обществъ на спеціальныя средства гимназіи, истрачивая, такимъ образомъ, въ годъ, непроизводительнo minimum 10—12 тыс. руб. Мало этого, бралъ себѣ каждый годъ изъ тѣхъ же суммъ по 300 руб. пособія „на леченіе болѣзни“ и 200 руб. для той же цѣли давалъ инспектору.

Ремонтныя работы, въ противность узаконеніямъ, всегда производились безъ торговъ (хотя попечителю доносилось, что онѣ производятся по торгамъ) изъ года въ годъ одними и тѣми же подрядчиками, которые отъ гимназіи наживали большія деньги. Былъ еще подрядчикъ-портной—еврей, который шилъ костюмы для пансіонеровъ по такимъ непомѣрнымъ цѣнамъ, по какимъ въ любомъ магазинѣ можно было бы купить готовыя вещи.

Расходы эти Сморгковъ производилъ единолично, безъ согласія членовъ хозяйственнаго комитета, хотя послѣдніе потомъ и подписывали протоколъ на израсходование денегъ. Дѣлалось это такимъ порядкомъ. Приобрѣтаетъ Сморгковъ какую-нибудь вещь или истратитъ извѣстную сумму свыше положенной нормы, а затѣмъ напишетъ протоколъ, что-де купленная вещь членами хозяйственнаго комитета осматривалась и найдена ими соотвѣтствующей заплаченнымъ деньгамъ. Тогда пишется ассигновка, и талонъ выдается подрядчику или лицу, близкому къ директору.

До пріѣзда къ намъ Сморгковъ, у прежнихъ директоровъ, несмотря на то, что денежныхъ поступленій было сравнительно меньше (число учащихся колебалось отъ 330 до 360), отъ специальныхъ средствъ всегда бывали остатки. Съ пріѣздомъ же Сморгкова, когда доходность гимназіи, благодаря наплыву учащихся (отъ 470 до 440), значительно увеличилась, одной платы за право ученія собиралось 18—20 тыс. руб., да пансіонскихъ 10—12 тыс. руб., специаль-

ныхъ суммъ стало недоставать. Въ первый же годъ было израсходовано непроизводительно свыше 15 тыс. руб., а во второй были израсходованы спеціальныя средства всѣ, осталось только 49 руб. Въ три года Смѣрковъ окончательно раззорилъ гимназію и не приобрѣлъ ничего. Прибѣжавшіе изъ округа ревизоры не нашли никакихъ концовъ и только диву дались, куда, молъ, пошла такая уйма денегъ.

Конечно, за всѣ свои дѣянія Смѣрковъ понесетъ достойное возмездіе, но какая польза отъ этого дѣлу?.. Надо было цѣлые года, чтобы послѣ него этой изнуренной и передѣланной „на германскій ладъ“ гимназіи возвратить довѣріе мѣстнаго общества, которое до того было лишено права провѣрить дѣйствія „гуманнѣйшаго“ педагога, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніяхъ, такъ какъ все это отъ общества тщательно скрывалось, хотя сборами съ него и существовала та же гимназія...

П. Юдинъ.

Несчастный король.

На террасѣ королевскаго замка въ Фюрстенриде въ глубокой задумчивости сидитъ человѣкъ, онъ еще не старъ, но сильно обрюзгъ, обросъ густой бородой; его неподвижный взглядъ устремленъ на вѣтвистое дерево, въ листвѣхъ котораго слышится птичій гамъ; потомъ взоръ такъ же пристально вперяется въ ласточку, прыгающую по периламъ террасы. Слабая усмѣшка освѣщаетъ на мгновенье лицо длинноволосаго человѣка. Онъ быстро плюетъ ласточкѣ въ слѣдъ... и снова впадаетъ въ ту же созерцательную, задумчивую неподвижность. Есть что-то безпомощное, жалкое, дѣтское въ опустившихся углахъ рта и приподнятыхъ бровяхъ... А между тѣмъ, этотъ человѣкъ—король, владыка государства, второго по величинѣ въ Германіи. Да, это король Оттонъ, несчастный баварскій король, безумный король. Вокругъ него толпится та же свита, та же челядь, которая окружала его прежде, когда разсудокъ его не былъ еще помраченъ; ему оказываютъ тѣ же почести, что и его замѣстителю. И странно, больной вникаетъ, повидимому, во всѣ мелочи этикета, придаетъ имъ серьезное значеніе. Онъ проявляетъ рѣдкую наблюдательность, и обмануть его не легко. Къ обману же приходится поневолѣ прибѣгать всякій разъ, когда врачи хотятъ вывести его изъ состоянія апатіи и неподвижности. Но прогулка въ каретѣ приводитъ короля въ ужасъ, онъ оказываетъ самое упорное сопротивление; чтобы чрезмѣрно не раздражать больного, врачи уступаютъ, и это возбуждаетъ въ королѣ самую искреннюю веселость; онъ заливается тихимъ смѣхомъ и радостно потираетъ руки.— „Что взяли, голубчики!“—подмигиваетъ онъ имъ лукаво.

Затѣмъ онъ тихонько подымается съ кресла и крадучись выѣзжаетъ въ карету, которая стоитъ у воротъ замка, какъ будто безъ всякаго надзора. Но едва король захлопнулъ дверцы, уже кучеръ на козлахъ, лакеи на запяткахъ, и экипажъ катится по аллеямъ обширнаго парка. Впрочемъ, больной не всегда замѣчаетъ своихъ спутниковъ; чаще онъ остается въ твердой увѣренности, что проказа ему удалась, и его сторожа изрядно одурачены имъ.—Чтобы избѣжать врачебнаго осмотра, чтобы избавиться отъ ѣды и питья, король неистощимъ на выдумки. Въ его разстроеномъ воображеніи эти выдумки слагаются въ цѣлыя системы,

и онъ затрачиваетъ массу душевной энергіи, чтобы осуществить ихъ на дѣлѣ. И бываютъ недѣли, когда окружающіе больного не знаютъ ни минуты отдыха, когда они буквально изнемогаютъ отъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ. Не только молчаливое сопротивленіе, но и остроумныя увертки помогаютъ королю въ его борьбѣ съ врачами. Удивительно не то, что онъ сыплетъ порой цитатами изъ древнихъ авторовъ—повидимому, воспоминанія юности прочно закрепились въ его памяти, но то, что онъ всегда умѣло и кстати ихъ употребляетъ. Тщетны всѣ убѣжденія, бесполезны и хитрости. Несчастный упорно неподвиженъ въ своемъ креслѣ углубленный въ таинственный міръ больной фантазіи. Въ послѣднее время, не слишкомъ настаиваютъ на томъ, чтобы король ѣлъ горячую пищу—въ холодную легче подмѣшать тѣ лекарства, которыя необходимы для облегченія его болѣзни почекъ. Въ большинствѣ случаевъ, констатированіе почечнаго заболѣванія не представляется труднымъ, но, словно въ насмѣшку надъ медициной, лучшіе представители которой пользовали короля, имъ потребовалось около трехъ лѣтъ, чтобы выявить истинный источникъ его страданій. И такъ какъ нѣтъ возможности примѣнить всѣ тѣ средства, которыя даютъ прекрасныя результаты при нормальномъ леченіи болѣзни почекъ,—діету и ванны, направленные на подъемъ дѣятельности сердца, приходится довольствоваться, какъ уже сказано, лишь подмѣшиваніемъ тѣхъ или иныхъ медикаментовъ въ пищу, чтобы отсрочить развитіе хроническаго воспаленія артерій и водянки. Появленіе новыхъ незнакомыхъ лицъ не вызываетъ на лицѣ больного удивленія или испуга; онъ не узнаетъ и людей, которыхъ онъ знавалъ въ зрѣломъ возрастѣ; напротивъ, тѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался въ молодости, привлекаютъ его вниманіе, онъ часто узнаетъ ихъ въ лицо, называетъ по имени. Такія встрѣчи пробуждаютъ въ королѣ бодрость и оживленіе: онъ ѣстъ съ ними, пьетъ, играетъ, куритъ—словомъ, оживаетъ. Но не надолго: внезапно онъ впадаетъ въ молчаливость, начинаетъ перебирать бороду или раздѣвается до нага—гдѣ бы и при комъ бы онъ ни находился.—Встаетъ Оттонъ рано; но случается и такъ, что до полудня больной нѣжится въ постели, и отклоняетъ всѣ попытки поднять и одѣть его.—За послѣдніе годы король сильно располнѣлъ; моціонъ ему необходимъ; но проходить цѣлые дни, и онъ не покидаетъ спальни.—Ѣда, которую ему подаютъ, возбуждаетъ въ немъ чувство страха. Онъ только украдкой поглядываетъ на прислугу, сервирующую завтракъ или обѣдъ со всеми установленными при дворѣ церемоніями; въ рѣдкихъ случаяхъ больной ѣстъ въ присутствіи слугъ; по большей части онъ выжидаетъ пока они удалятся, и тогда только пробуетъ поданное.—Немало усилій также стоитъ уложить короля на ночь. Организмъ его не чувствуетъ потребности во снѣ. Солнце закатится, сумерки надвинутся, наступитъ ночь, а король все сидитъ у окна, въ глубокой задумчивости; порою онъ говоритъ самъ съ собой, порой затягиваетъ пѣсню, и голосъ его чистъ и звонокъ. Только на разсвѣтъ усталость беретъ верхъ, и больной покидаетъ свое излюбленное мѣсто.

Такъ нерадостной чередой тянутся дни за днями, для этого несчастнаго монарха. Жизнь потеряла для него свою прелесть, да онъ и далекъ отъ дѣйствительной жизни. А смерть не хочетъ еще скосить этого колоса, безпомощно поникшаго сломаннымъ стеблемъ.

Бюро для изобрѣтателей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Американская система привилегій ни въ чемъ не походитъ на системы патентовъ другихъ государствъ,—кромя, конечно, тѣхъ, которыя приняли ее въ образецъ. Американское правительство поставило себѣ въ задачу покровительствовать изобрѣтателямъ, только въ томъ, однако, случаѣ, если ихъ изобрѣтенія дѣйствительно, полезны и оригинальны. Но развѣ американское правительство взяло изобрѣтателя подъ свою мощную руку—послѣдній можетъ быть твердо увѣренъ, что изобрѣтеніе его будетъ признано и санкціонировано всѣми, къ кому бы онъ ни обратился—и что никто не станетъ оспаривать его правъ. Европейскія государства, напр.: Германія и Австрія, далеки отъ этого правильнаго взгляда на вещи. Ихъ патентное бюро—не что иное, какъ „справочное“ бюро, въ которое изобрѣтатели представляютъ свои чертежи, рисунки, планы и откуда взамѣнъ получаютъ аттестаты и дипломы. Тамъ же, въ этомъ справочномъ бюро, они могутъ разыскивать подходящіе изобрѣтенія среди раньше представленныхъ документовъ. Въ дѣятельности такого рода бюро правительствующая власть ничего не рѣшаетъ, ни во что не вмѣшивается.

Американское бюро для изобрѣтателей устроено совершенно на иной ладъ. Оно даетъ полную гарантію новоизобрѣтателю. Могути, конечно, и тутъ быть ошибки, недоразумѣнія, въ случаѣ которыхъ прибѣгаютъ къ вмѣшательству закона,—но онъ, въ сущности, такъ рѣдки, что не стоитъ о нихъ упоминать. Можетъ быть на 500 случаевъ, только въ одномъ, патентъ-бюро не удается установить право изобрѣтателя на данный патентъ.

Ни одно изъ американскихъ правительственныхъ учрежденій не входитъ въ такія частныя и близкія сношенія съ публикой, какъ патентъ-бюро. И въ самомъ дѣлѣ: гражданинъ можетъ обойтись безъ общественныхъ экипажей и электромоторовъ, но всякому нужны тѣ необходимыя для житейскаго обихода предметы, патенты конхъ лежатъ въ бюро.

Наибольшее количество изобрѣтателей принадлежитъ къ рабочему классу. Въдѣ рабочіе больше всего заинтересованы въ этомъ вопросѣ, и, естественно, добиваются личной инициативы въ усовершенствованіи машинъ, всѣ качества и недостатки которыхъ они изучили въ совершенствѣ.

Первый законъ, разрѣшающій выдачу патентовъ, былъ изданъ конгрессомъ въ 1790 г. Учредили тогда особую комиссію, состоящую изъ государственнаго секретаря, военнаго секретаря и повѣреннаго отъ правительства, и эта комиссія, съ Томасомъ Джефферсономъ во главѣ, разбирала въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ всѣ текущія, касающіяся патентовъ дѣла. Разсказываютъ, что Джефферсонъ, придерживавшійся черезчуръ ужъ строго буквы закона, гласящаго, что нужно выдавать патенты исключительно только полезнымъ изобрѣтеніямъ—забраковалъ, такимъ образомъ, массу изобрѣтеній, ссылаясь на то, что они недостаточно серьезны и ничего не дадутъ новаго человечеству. Въ то далекое время предполагали, что выдача патентовъ—неотъемлемое право правительства, что оно можетъ по своему усмотрѣнію выдавать или не выдавать, какъ ему заблагорассудится, этимъ мнѣніемъ уничтожалось, игнорировалось право изобрѣтателя на поощреніе и косвенное вознагражденіе за упорный и усидчивый трудъ.

Статья о „пользѣ“ патентовъ осталась неизмѣнной, но она служила въ настоящее время лишь для огражденія гражданъ отъ вредныхъ и безнравственныхъ изобрѣтеній. Въ 1852 г. дѣло патентовъ становится правильно учрежден-

нымъ государственнымъ департаментомъ бюро, во главѣ котораго назначенъ „суперинтендентъ“ (главный надзиратель).

Первымъ занималъ эту должность Вильямъ Торнтонъ (Thornton), человекъ вердаго, энергическаго характера, родомъ изъ западной Индіи, поселившійся въ Филадельфіи и послѣдовавшій за правительствомъ, когда оно имигрировало въ Вашингтонъ. Онъ былъ очень искусный экспертъ, и постъ суперинтендента оказался какъ разъ по немъ. Онъ оставался въ этой должности съ 1802 — 1828 гг.

До 1836 года включительно, патентъ-бюро строго придерживалось англійской системы. Оно принимало и сохраняло изобрѣтенія, но не рассматривало ихъ. На дипломахъ значилось только имя изобрѣтателя и время выдачи. Въ 1836 г. основана была канцелярія комисара патентовъ, подчиненнаго государственному секретарю, а въ 1848 г. эту канцелярію причислили къ департаменту внутреннихъ дѣлъ. Въ 64-лѣтній періодъ смѣнилось около 26 комисаровъ. Среди нихъ стоитъ отмѣтить имена Елсфорса и Чарльза Келлера, способствовавшихъ введенію экзаменаціонной системы въ дѣло патентахъ, системы, которая постепенно развивалась и усовершенствовалась.

отвѣтствующими ей науками, а также и съ юриспруденціей. Лишь солидные знанія могутъ помочь дѣлу.

Патентъ-бюро распадается на 36 отдѣленій, изъ которыхъ одно специально занимается выдачей дипломовъ, рисунковъ и т. д. Каждое изъ этихъ 36 отдѣленій имѣетъ одного экзаменатора (главнаго), къ которому приставлены 4 ассистента. Но, кромѣ того, въ патентъ-бюро существуетъ комиссія, состоящая изъ 3 высшихъ экзаменаторовъ, нѣчто вродѣ контроля или начальства надъ остальными. Къ нимъ обращаются въ случаѣ недоразумѣній, ошибки и т. д., обращаются, какъ къ третейскому суду. Въ патентъ-бюро всегда имѣется отличная научная бібліотека, 2 департамента, въ коихъ производится классифицировка документовъ, и редакція, въ которой издается „Официальная газета“. Последняя замѣнила обширный годовой отчетъ, выходившій въ свѣтъ объемистой книгой, но всегда заднимъ числомъ (2—3-лѣтняя давность). „Газета“ появляется разъ въ недѣлю и иллюстрируетъ всѣ поданные въ теченіе 7 дней, рисунки, планы, на которые бюро

Непризнанный геній.

документы, дабы удостовѣриться, что новое изобрѣтеніе дѣйствительно ново и оригинально и не имѣетъ ничего общаго съ предыдущими моделями того же рода. Безъ этихъ детальнахъ подраздѣленій, патентъ-бюро запуталось бы совершенно. Нѣкоторые отдѣленія разбиваются, однако, на классы, соединенные между собою безъ всякой видимой системы, какъ придется и сообразно тому, какъ раздѣлится сложный трудъ между немногими экзаменаторами, на которыхъ расщедрился конгрессъ. Такъ, напр., отдѣленіе XXII состоитъ изъ классовъ лодокъ, кораблей, огнестрѣльнаго оружія, сигналовъ, ядеръ и т. д.

Ходатайство о патентъ должно пройти, прежде чѣмъ быть санкціонированнымъ, по крайней мѣрѣ, черезъ руки 52 лицъ. Подавая прошеніе — изобрѣтатель вноситъ 15 долларовъ, а при полученіи желаннаго патента, добавляется къ прежнему взносу еще 20 долларовъ. Повѣреннымъ плотятъ, смотря по сложности работы, начиная отъ 25 долларовъ. А такъ какъ прошеній о выдачѣ патента поступаетъ въ патентъ-бюро ежегодно около 40,000, то не трудно представить, какъ быстро нживаются повѣренные, рекламы которыхъ пестрятъ всѣ сосѣдніе съ патентъ-бюро дома. Изобрѣтатели, конечно, могутъ не обращаться къ содѣйствию повѣ-

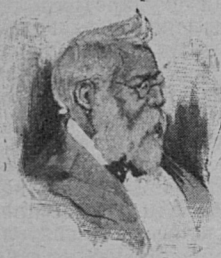
У входа въ бюро для изобрѣтателей.

должно выдать патенты. Кромѣ того, въ газетѣ имѣется отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются мелкія извѣстія и объявленія. Всѣ бібліотеки и читальни получаютъ „Газету“ безвозмездно, а подписчики платятъ 5 долларовъ въ годъ. „Газета“ представляетъ живую и яркую иллюстрацію всѣхъ появившихся за истекшій годъ и обогатившихъ Сѣверо-Американскіе Штаты — изобрѣтеній.

Каждое изъ 36 отдѣленій выдаетъ соотвѣтственно своей специальности патенты. Отдѣленія патентъ-бюро подраздѣляются на 237 классовъ, а каждый классъ въ свою очередь раздѣляется на субъ-классы, коихъ насчитываютъ до 10,000. Напр., отдѣленіе X., обнимающее 21 классъ (экипажи, кареты и пр.), распадается на 106 субъ-классовъ. Возьмемъ классъ 21-й и рассмотримъ нѣкоторые изъ его субъ-классовъ, дабы яснѣе понять въ деталяхъ американскую экзаменаціонную систему. Программный листъ наполненъ слѣдующими названіями моделей: амбулаторныя кареты, дѣтскія повозки, коляски, шарабаны и т. д. и т. д., безъ конца. Каждый, изъ этихъ субъ-классовъ имѣетъ свой отдѣлъ чертежей въ экзаменаціонной отдѣленіи X. И когда тамъ получается прошеніе о выдачѣ патента, то должны просматриваться всѣ лежащіе въ отдѣлѣ

Изобрѣтатель, разочарованный въ новизнѣ своего изобрѣтенія.

Типы изобрѣтателей.

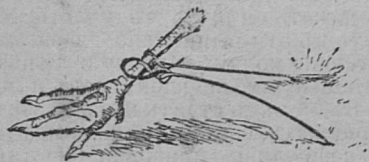
лась. Въ общемъ, резюмировать необходимыя качества комисара патентовъ не трудно: во-первыхъ, онъ долженъ быть искуснымъ, изворотливымъ политикомъ и находиться въ дружескихъ отношеніяхъ съ властями; во-вторыхъ, чтобы сдѣлать ся хорошимъ администраторомъ ему слѣдуетъ познакомиться съ механикой и со-

Агентъ бюро.

ренныхъ, но изъ 100—99 не обходятся безъ ихъ просвѣщенныхъ совѣтовъ. Въ ясныхъ и вполне очевидныхъ случаяхъ изобрѣтатели могутъ прямо входить въ соглашеніе съ правительствомъ, но юридическій совѣтъ компетентныхъ лицъ нуженъ, когда не бываетъ лишнимъ. Долголѣтній опытъ даетъ повѣреннымъ полную возможность выручать кліентовъ изъ запутанныхъ головоломныхъ положеній и указать имъ на вѣрный и ближайшій путь къ достиженію завѣтной цѣли.

Законы о патентахъ блюдаютъ интересы изобрѣтателей. Если отказываютъ послѣднимъ въ выдачѣ патента, они имѣютъ право обратиться въ комиссію главныхъ экзаменаторовъ, въ случаѣ же новой неудачи, къ самому комиссару, а если и онъ не выручитъ, ихъ прямая дорога въ высшія судебныя инстанціи округа Колумбіи. Но это еще не все. Изобрѣтатель можетъ идти дальше, можетъ подать искъ въ какой ему будетъ угодно окружной судъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣющій право кассировать рѣшеніе патентъ-бюро. Изъ всего этого вытекаетъ, что изобрѣтатели не обижены закономъ, что послѣдній ограждаетъ ихъ прямые

Патентованныя пути для боевыхъ пѣтуховъ.

интересы. Въ одномъ конгрессѣ ихъ обошелъ—не вникъ въ ихъ нужды—деньги, которые они аккуратно вносятъ въ казну, такъ и лежатъ въ ней безъ всякаго употребленія, тогда какъ зданіе патентъ-бюро ломится отъ модельныхъ шкаповъ и многочисленнаго персонала, которому

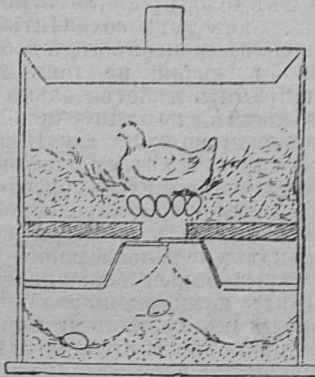

Отдѣленіе моделей.

положительно некуда дѣваться. Дѣло настоятельно проситъ расширенія и мѣста, побольше мѣста, а правительство не внимаетъ этому настойчивому требованію.

Патентъ даетъ право на 17-лѣтнюю давность. Но съ особаго разрѣшенія правительства до 1861 г. срокъ этотъ зачастую могли продлить, покуда конгрессъ не издалъ новой статьи, затруднявшей подобныя проволочки. Не мало происходило тутъ и злоупотребленій. Изобрѣтатели овладѣвали чужими патентами, срокъ которыхъ издавна истекъ, выдавали ихъ за свои оригинальные и требовали денежнаго вознагражденія. Этимъ безпорядкамъ положилъ предѣлъ законъ 1881 г., запрещающій требовать за патентъ больше, чѣмъ онъ первоначально стоилъ.

Эволюція новоизобрѣтеній идетъ не равномерно, а скорѣе лихорадочными скачками. Этому служитъ доказательствомъ число ежегодно выдаваемыхъ патентовъ. Такъ напр., въ 1800 г. выдано было 41 пат.; въ 1810—223 п.; въ 1821—155 п.; въ 1830—554 п.; въ 1840—473 п.; въ 1850—995 п.; въ 1860—4,338 пат.

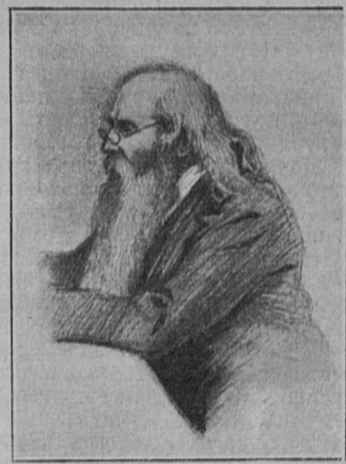

Патентованное куриное гнѣздо.

Интересно, что въ періодъ 1850—60 г. находимъ максимумъ изобрѣтеній. Этотъ періодъ вообще замѣчателенъ быстрымъ развитіемъ промышленности и торговли, изобрѣтеніемъ телеграфа, усовершенствованіемъ швейной машины, молотилки и т. д.

Во время междоусобной войны Штатовъ число выдаваемыхъ патентовъ сильно пало, но не успѣли волонтеры разойтись по домамъ, какъ новая жатва изобрѣтеній обогатила государство. Идеи, созрѣвавшія въ солдатскихъ умахъ, нахлынули въ Вашингтонъ въ видѣ многочисленныхъ плановъ и моделей. Въ 1865 г. выдано было 6,616 пат., а въ 1867—13,026 п. Въ 1870 г. выдано было почти такое же количество—13,947 п., но въ 1876 году во время всемирной выставки число патентовъ достигло—17,026. Потомъ снова замѣчаемъ нѣкоторое затихше, и въ 1880 г. число патентовъ падаетъ на 13,947. Съ 1883 г. довольно равномерно выдается ежегодно 20,00 пат., а въ 1899 г. число патентовъ достигло 25,527.

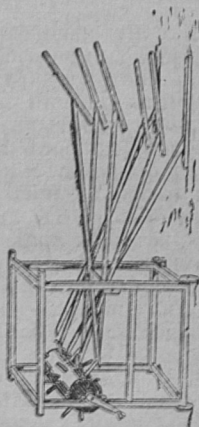
Одинъ изъ старѣйшихъ экзаменаторовъ патентъ-бюро увѣряетъ, что только 1 изобрѣтеніе на 25 покрываетъ денежные суммы, издержанныя на патенты. Но изобрѣтатели и судьи стойко на-

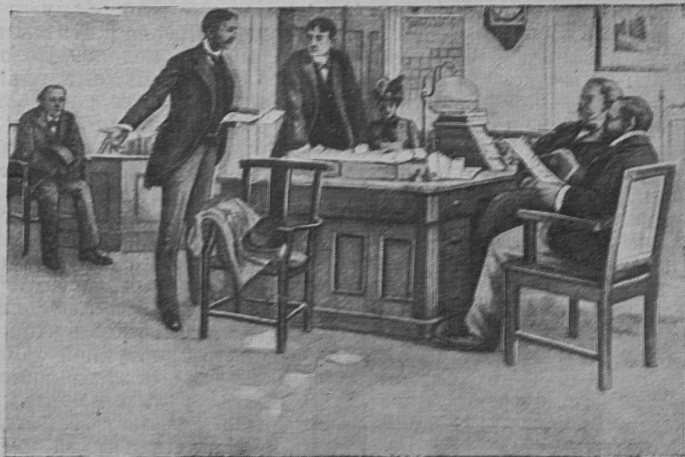
Повѣренный по дѣламъ объ изобрѣтеніяхъ.

родъ—они бодро идутъ впередъ къ намѣченной цѣли, не взирая на затрудненія и препятствія. И каждый изъ нихъ твердо надѣется на золотыя горы—удача должна быть—не можетъ не быть—не можетъ не увѣнчать ихъ старанія заслуженнымъ успѣхомъ.

Каждый изъ нихъ только и дѣлаетъ, что думаетъ о великихъ изобрѣтеніяхъ прошлаго столѣтія—объ изобрѣтеніяхъ, которые долго спали подъ спудомъ и вдругъ неожиданно воскресали, благодаря фантазіи—капризу публики. Изобрѣтатели передаютъ другъ другу съ загорѣвшимся взоромъ опустынной игрушки—небольшомъ мячикѣ, прикрѣпленномъ къ длинной резинкѣ,—принесшей своему изобрѣтателю 50,000 фунтовъ ст. въ годъ; о пробочникѣ, изобрѣтателю котораго получили больше миліона. Онъ былъ до того бѣденъ, что пространствовалъ пѣшкомъ изъ Филадельфіи въ Вашингтонъ для полученія патента. Много еще подобныхъ удивительныхъ изобрѣтеній, принесшихъ счастливымъ, избраннымъ судьбы баснословныя суммы. Вотъ почему—зная о

Модель патентованной въ 1830 г. молотилки.

Повѣренный отстаиваетъ передъ комиссаромъ интересы изобрѣтателя.

нихъ, питаея ими—ни одинъ американскій изобрѣтатель не унываетъ, не падаетъ духомъ. Но кромѣ мысли о матеріальной выгойд—изобрѣтателя влечетъ природное призваніе—точно такъ же какъ художниковъ, поэтовъ, музыкантовъ. Они—изобрѣтатели, потому что не могутъ ими не быть. Искра, таящаяся въ ихъ груди—разжигаетъ ихъ творческую способность... и они работаютъ, копятъ, мучаются, не знаютъ покоя, пока не создадутъ того, къ чему стремились всей душой. Многіе изобрѣтатели—по словамъ служащихъ въ патентъ-бюро, ежегодно снабжаютъ его новымъ изобрѣтеніемъ, новымъ открытіемъ—вовсе не заботясь о матеріальной выгойд—атакъ только, изъ любви къ искусству. Ихъ тѣшить, ихъ увлекаетъ—одинъ только умственный процессъ. И дѣтища ихъ лежатъ въ архивной пыли—мусоръ тамъ горами,—спять непробуднымъ сномъ иногда весь 17-лѣтній законный срокъ.

Нью-Йоркъ,
въ концѣ апрѣля.

L. S.

Женщины въ Алжирѣ.

Кто путешествовалъ по Алжиру, тому нерѣдко, вѣроятно, приходилось наблюдать пестрыя картины туземной жизни, изучать обычаи и нравы мѣстныхъ жителей и дѣлать тѣлиныя выводы о характерѣ нравовъ. Но всѣ эти наблюденія, какъ бы полны и интересны они ни были, имѣютъ одинъ большой недостатокъ. Они обнимаютъ лишь тотъ кругъ явленій, который иллюстрируютъ жизнь публичную, жизнь мужчинъ, но семейный бытъ, бытъ женщинъ, какъ матерей и женъ, если уже значеніе ихъ въ общественномъ строѣ сводится къ нулю,—эта сторона Алжира остается для европейцевъ задернутой столь же непроницаемой завѣсой, сколь густа вуаль, покрывающая лица женщинъ, проходившихъ по улицамъ городовъ. Впрочемъ, даже появленіе женщины на улицахъ считается въ болѣе состоятельныхъ классахъ неприличнымъ. Въ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, европейцу, прожившему много лѣтъ въ Алжирѣ и приобрѣвшему довѣріе и уваженіе туземцевъ, удается заглянуть въ эту святую святыхъ. Во всякомъ случаѣ, отзывы тѣхъ, кому это было доступно, единогласны; трудно найти болшую чистоту семейныхъ нравовъ, болшее достоинство матери семейства, болѣе искреннюю привязанность мужей и женъ къ домашнему очагу. Пророкъ разрывилъ благотивнымъ почитательнымъ корана многоженство, мавры не пользуются этимъ разрывеніемъ и ограничиваются одной подругой жизни. Вообще, въ домахъ алжирскихъ мавровъ—осѣдлыхъ горожанъ, царитъ атмосфера патриархальнаго, библейскаго семейнаго строя.—Мы сказали выше, что эти угѣшительныя картины алжирскаго быта, мало доступны путешественнику. Но если послѣдній захочетъ углубиться въ горы, то тамъ онъ найдетъ богатую пищу для наблюденій надъ женщинами туземками. Французы называютъ ихъ обыкновенно общимъ именемъ—кабилы. Однако, это не точно. Есть огромная разница между арабами и прямыми потомками берберовъ, которымъ единственно принадлежитъ это имя—кабилы. Первые—беззаботные, лѣнныя кочевники; имъ тѣсно осѣдлое мѣстожителство, постоянное занятіе—противно; они лживы и изворотливы, какъ цыгане; вторые—трудолюбивые земледѣльцы—честные и гордые. Ни въ чемъ, однако, не сказывается разнъ этихъ двухъ племенъ, какъ въ характерѣ и жизни женщинъ.—Кабила не носитъ вуали, она безъ стѣсненія появляется въ народѣ. Она не приучена къ рабству; она

не наложница только, какъ жена бедуина; кабила—равноправная подруга своего мужа. Моногамія обезпечиваетъ, въ большинствѣ случаевъ, твердость семейныхъ устоевъ. Нерѣдки примѣры такой привязанности къ супругу, которая не слабеетъ и послѣ его смерти: мужъ убитъ, жена берется за ружье и, по обычаю кровавой мести, мститъ убійцѣ или его родичамъ. Среди своего племени женщина занимаетъ почетное общественное положеніе: она беретъ порою на себя задачи, далеко выходящія изъ круга ея семейныхъ обязанностей. Иногда она выступаетъ судьей или примирительницей въ распрѣ двухъ родственныхъ племенъ—и выходитъ съ честью изъ такихъ испытаний. Въ восьмомъ вѣкѣ берберы подвергались притѣсненіямъ со стороны побѣдоносныхъ пришельцевъ—магометанъ. Даміа-ла-Кагена („волшебница“) стала во главѣ народнаго ополченія и жизнью заплатила за свою смѣлость.

Кабилы не красивы. Ихъ прелести рано вянуть подъ гнетомъ тяжелой работы. Уходъ за дѣтьми, приготовленіе кушаній, молотба зерна,—все на ней. Подъ полными ведрами воды низко сгибается она. И въ жарѣ и въ холодѣ работаетъ, не покладая рукъ. Какъ тутъ сохранить красу. Но, въ глубинѣ оазисовъ—гдѣ добываніе средствъ къ жизни не такъ тяжело, можно встрѣтить дѣйствительно красивыхъ женщинъ, по типу приближающихся къ античному идеалу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы кабилы были вообще обижены природой. Выразительные глаза, изящныя руки и ноги, порой словенно выточенные изъ мрамора пальцы, пропорціональное тѣлосложеніе—это качества, свойственныя большинству кабилъ. Цвѣтъ кожи очень различенъ по оттѣнкамъ, такъ же, какъ и цвѣтъ волосъ: начиная отъ свѣтлыхъ блондинокъ, можно насчитать всѣ цвѣта, до жгучихъ брюнетокъ включительно. Съ годами, наружность кабилы рѣзко мѣняется: черты лица становятся плоскими, а выраженіе ихъ тупымъ. Чтобы закончить портретъ кабилы, надо отмѣтить ея крайнюю нечистоплотность,—недостатокъ, свойственный чуть-ли не всему Востоку.—Цную жизнь, цныя радости и печали знаетъ женщина, выросшая среди кочевниковъ-арабовъ. Не долговъ вѣкъ и ея красоты, зато эта краса полная, блестящая. Все ея существо проникнуто страстью къ наслажденіямъ; объ этомъ говорить и взоръ, подернутый туманной влагой, и полуоткрытыя чувственные губы, и развитыя ноздри... Въ ея походкѣ есть что-то чарующее, въ ея взорѣ—нѣчто манящее. Лишь только просыпается въ ней женщина, инстинктивное влеченіе къ любви, къ любовнымъ утѣхамъ, быстрой смѣнѣ жгучихъ ощущеній—становится преобладающимъ теченіемъ ея жизни. Замужъ выдаютъ ее чуть-ли не двѣнадцати лѣтъ. Медовый мѣсяцъ длится недолго. Потомъ наступаетъ пресыщеніе мужемъ, равнодушіе къ нему или даже отвращеніе, ненависть. А жажда любить и быть любимой неудовлетворена. Начинаются любовныя похождения. Они грозятъ смертельной опасностью невѣрной женѣ: разъяренный бедуинъ не знаетъ пощады къ измѣнницѣ; онъ не только убьетъ ее, но и подвергнетъ еще растерзанію: онъ вырветъ ей языкъ, который лгалъ, отрубитъ руки, которыми обнимали любовника, выколетъ глаза... Но, именно, въ этой опасности вся прелесть преступной любви. И чѣмъ строже надзоръ за женщиной, тѣмъ богаче ея изобрѣтательность, тѣмъ безразсуднѣе ея дерзость... Вотъ почему едва-ли можно найти такой домъ, подъ кровомъ котораго не пріютился бы адюльтеръ. Арабы знаютъ объ этомъ; у нихъ даже сложились присказки и пѣсенки на эту тему. Но чужая бѣда никого на разумъ не ставитъ, и ранніе браки заключаются

сплошъ да рядомъ. Къ разводамъ прибегаютъ въ томъ случаѣ, когда совместная жизнь становится совершенно невыносимой. Объ этомъ, въ сущности, мечтаетъ каждая арабская женщина, и, если разводъ ей удастся, она уходитъ въ горы; тамъ, подъ защитой родни, она устраиваетъ себѣ пріютъ любви и наслажденій; одѣвается въ богатые одежды, покрываетъ пальцы разноцвѣтными камнями, и, въ необузданномъ вакхическомъ весельѣ, проводитъ немногіе годы быстро отцвѣтающей молодости. Слабый отзвукъ этихъ вакханалій можно слышать въ алжирскихъ кофейняхъ, въ заунывныхъ звукахъ тамбура, сопровождающихъ дику, разнузданную пляску темнокожихъ гетеръ.

Погаснувшія свѣтила.

Среди водоворота парижской повседневной суеты на мгновеніе показалась женщина, которая такъ же на мгновеніе привлекла вниманіе парижанъ, заставила вспомнить недавнее прошлое и лишний разъ пошмѣяться надъ былыми кумирами, уже поверженными въ прахъ неблагодарной толпой потомковъ. Затѣмъ—всѣ отвернулись къ другимъ злобамъ дня, и она была позабыта. Эту женщину звали въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія подъ именемъ Маріонъ Моррисъ. Ей поклонялись, въ ней заискивали, ея боялись. Сегодня едва-ли кто счелъ нужнымъ пожать ея руку, съ участіемъ заглянуть въ эти выцвѣтшіе глаза, когда-то метавшіе молніи страсти и гнѣва въ работливые ряды поклонниковъ и льстецовъ. Въ 55 лѣтъ стоять на краю могилы, безъ родныхъ, безъ друзей... Видѣть вкругъ себя лишь призраки блестящаго прошлаго, сумрачныя тѣни дорогихъ мертвецовъ и сознавать, что никому на свѣтѣ не нуженъ, ни для кого не дорогъ—да это очень, очень тяжело!..

Шестнадцатилѣтняя американка, воспитанная въ строгихъ правилахъ стариннаго рода Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, пріѣхала въ Парижъ въ, немного времени спустя, плѣняла столицу міра красотой лица и тонкимъ умомъ. Ея наружность очаровала императрицу Евгенію, и Моррисъ безъ труда была причислена ко двору Наполеона. Первая встрѣча съ императоромъ рѣшила ея участь. Въ сердцѣ дѣвушки вспыхнула впервые любовь къ монарху, который возбуждалъ въ современникахъ одно презрѣніе, а въ современникахъ—какъ это ни странно—восхищеніе и страсть. Моррисъ долго боролась съ чувствомъ долга и признательности къ Евгеніи. Но случилось-ли на этомъ старомъ свѣтѣ, чтобы долгъ и признательность могли излечить раны, нанесенныя сердцу стрѣлой амура? Насталъ роковой часъ—и Маріонъ отдалась Наполеону со всѣмъ пыломъ нетронутой дѣвичьей души. Прошло три года словно три дня. Счастье покровительствовало любовникамъ и ревниво берегло ихъ тайну. Пришлось, однако, императрицѣ узнать въ одинъ ужасный для нея вечеръ, что ея любимица, женщина, въ чистосердечіи и преданности которой она готова была поручиться головой,—подлая предательница, разрушившая если не дѣйствительное, то хоть мнимое ея супружеское благополучіе. Никто никогда не возбуждалъ въ Евгеніи такой бѣшенныя ненависти, такой безумной ревности, какъ Маріонъ Моррисъ. Не безъ основанія утверждали, что Маріонъ не спасется отъ руки наемнаго убійцы: вторая имперія не любила шутить.—Но судьба не захотѣла видно такъ рано прервать молодую и прекрасную жизнь. Моррисъ во-время бѣжала изъ Парижа. Въ сокрушеніи сердечномъ, она писала къ императрицѣ, и ея письма бы

ли полны искренняго раскаянія. она просила простить ее и общала навѣки покинуть Францію. Отвѣтъ Евгеніи замедлился. А страсть въ Маріонъ еще не остыла. Благія намѣренія были позабыты, голосъ разсудка и совѣсти замолкъ. Маріонъ воротилась къ Наполеону. Но блаженство въ жизни не повторяется дважды. Исторія пріяла свою пряжу, и нить Наполеона должна была оборваться. Его низверженіе и смерть, словно громомъ, сразили Маріонъ. Ея сознаніе омрачилось, и долгое время она была близка къ смерти. Очнулась она старухой. Красота исчезла; остались однѣ морщины и горькая усмѣшка на поблекшихъ устахъ. Отъ прошлаго были еще живы лишь угрызения совѣсти. Маріонъ отравила въ Евгеніи, и, быть можетъ, единственная изъ прежнихъ ея фаворитокъ, навѣстила развѣнчанную императрицу. И Евгенія простила. Какое другое чувство, кромѣ жалости всепрощенія, могла она питать къ этой женщинѣ, для которой гибель Наполеона была большимъ несчастьемъ, нежели для нея, законной его супруги. Дни американки были сочтены. Весна и лѣто для нея безвозвратно минули, наступала сырая осень и холодная, какъ могила зима.

Исторія Маріонъ Моррисъ—заурядный, хоть и яркій образецъ превратностей фортуны. Удивляться тутъ нечему. Но странно одно: три женщины, одна за другой, властвовали, словно коронованныя повелительницы, у трона второй имперіи, затѣмняя блескъ красоты законной королевы. И всѣхъ трехъ постигла одна и та же участь—забвеніе, нищета и голодная смерть. Елена Экландъ, Эсфирь Боле и Маріонъ Моррисъ не наполняли-ли ихъ имена весь Парижъ, не звучали-ли они синонимомъ могущества, не знающаго предѣловъ. Капризъ ихъ,—одинъ жестъ—дѣляли людей счастливыми или несчастными. Поэты, художники... да что сыны музъ, самъ желѣзный канцлеръ онихъ отягивался съ восторгомъ, какъ о тріо грацій, способныхъ помрачить самый сильный умъ и повергнуть въ тоску самое твердое сердце. Елена и Эсфирь были французки по рожденію; въ смыслъ общественнаго положенія, ихъ идеалы не шли дальше прачечныхъ и публичныхъ бабловъ въ веселыхъ кабачкахъ. М-ле Экландъ глядѣла весело на жизнь глазами цвѣта незабудки, легко носила вѣнецъ золотистыхъ косъ; на щекахъ ея играли нѣжный румянецъ, и вся она, стройная, какъ Венера, казалась воплощеніемъ солнца и весны. Маріонъ была прямымъ контрастомъ съ нею: волнистые, темные, какъ вороново крыло, волосы обрамляли ея лицо, по бѣлизнѣ и очертаніямъ достойное рѣзца новаго Фидія. Глаза сверкали, словно черныя жемчужины, таинственнымъ глубокимъ блескомъ. А въ ея фигурѣ сифиды самый строгій критикъ не нашелъ бы ни одного недостатка. Эсфирь не уступала своимъ соперницамъ. Она могла похвастать ярко-рыжими локонами, обрамлявшими заборное, пикантное личико съ огромными, фиолетовыми глазами, оживлявшими лицо, которое вдохновило бы Тиціана.—Знакомство Наполеона съ Еленой отличалось романтической обстановкой. По узкой лѣсной тропинкѣ дѣвушка несла въ городъ на продажу кувшинъ съ молокомъ. Ей повстрѣчался офицеръ, верховъ. Нѣсколько минутъ они проболтали, потомъ простились. Вечеромъ того же дня Елена была похищена изъ дома отца—простого фермера—и увезена въ Компьенскій замокъ. Дѣвущкѣ не трудно было узнать, кого она плѣнила. Въ 17 лѣтъ сумѣла Елена понять, какъ много значило ея обаяніе, какая власть была въ ея ручкахъ. Надо отдать ей справедливость, она никому не причинила зла. Жизнь казалась ей волшебной сказкой. Кромѣ наслажденій

и удовольствій, она не знала ничего иного. Но солнце безъ тучъ не солнце—оно теряетъ свою прелесть. Къ двадцати годамъ Еленѣ наскулила любовь монарха. Демократическія традиціи, вѣроятно, заговорили въ этой дочери народа. Она убѣждала изъ Компьена съ мальчишкой-нажемъ, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже бросилъ вѣтренную дѣвушку на произволъ судьбы. Впрочемъ, судьба была къ ней, на первыхъ порахъ, милостива. Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ весь Парижъ заговорилъ объ артисткѣ, ея талантъ и красота превосходили все видѣнное до той поры. Молва о новой звѣздѣ достигла и королевскаго дворца. Евгенія удостоила красавицу приглашенія; та должна была показывать свое искусство въ присутствіи Наполеона. И съ перваго же ея появленія императоръ и императрица тотчасъ признали въ артисткѣ Елену Экландъ. Заглушавъ было страсть съ новой силой проснулась въ Наполеонѣ. Онъ презрѣлъ шумъ скандала, и Елена поселилась въ Тюильри. Наступили тяжелые дни 1870—1871 г.г. Елена измѣнила и Наполеону, и отечеству и перешла на сторону нѣмцевъ. Этого не могли ей простить парижане. Когда, по заключенію мира, она вновь показала въ родной столицѣ, ее встрѣтили публичными оскорбленіями, грязными пасквилями, фривольными пѣсенками, которыми горлачили на улицахъ мальчишки и кучера. Тщетно мѣняла она свое имя. Ея звѣзда катилась уже къ горизонту. Потянулись годы увиданія, обнищанія, дни полуголодные и вовсе голодные. Наконецъ, въ сентябрѣ прошлаго года она умерла гдѣ-то на чердакѣ, да и то осталась въ долгу передъ пріютившимъ ее хозяиномъ.—Эсфирь Боле смѣнила Елену, именно, въ тотъ періодъ, когда измѣнница увлеклась кудрявымъ нажемъ. Эсфирь была прачкой, правда, очень искусной. Въ ея запискахъ значились и очень знатные господа. Однажды она отнесла бѣлье директору французской комедіи Арсену Гуссу, и тамъ встрѣтила Наполеона. Остальное—исторія madame Sans-Gêne. Но въ теченіе цѣлаго года, Эсфирь не догадывалась, кто былъ ей милый. Когда же тайна открылась, Наполеонъ поселилъ ее въ Нельи, въ престелномъ помѣстьи. Здѣсь, подъ руководствомъ опытныхъ учителей, способная отъ природы и безмѣрно честолюбивая дѣвушка въ короткое сравнительно время приобрѣла солидное образованіе. Пока Наполеонъ былъ живъ, Эсфирь не извѣдала горя. Послѣ его смерти, она извѣдала, какъ и другія подруги этого императора, всю горечь бытія. 10 декабря 1900 года ее нашли мертвой въ жалкой каморкѣ въ Латинскомъ кварталѣ. Умерла она отъ полнаго истощенія.

Перебирая въ памяти эти прискорбныя исторіи женскаго сердца, пожалуй, придется заключить, что Маріонъ все же была счастливѣе двухъ другихъ фаворитокъ Наполеона. По крайней мѣрѣ, у нея есть тамъ, на родинѣ, собственный домикъ... Авось хватить его доходовъ на хлѣбъ и молоко—единственную пищу, которую употребляетъ увядшая красавица. И потомъ, тамъ на родномъ погостѣ, лежитъ ея мать... Бѣдняжка не могла пережить блестящаго позора дочери. Найдется рядомъ мѣсто и для Маріонъ, подъ старыми развѣсистыми липами, отбрасывающими причудливыя вѣтви тѣни...

МОНОКЛЬ НЕРОНА.

Носилъ-ли Неронъ очки? Многіе склонны отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ Светоній называетъ Нерона человѣкомъ слабаго зрѣнія. Плиній рассказываетъ, что во время цирковыхъ зрѣлищъ Неронъ смотрѣлъ на арену черезъ смарагдъ. Отсюда выводятъ

заключеніе, что этотъ драгоценный камень замѣнялъ цезарю увеличительное стекло. Пансье, авторъ „Исторіи очковъ“, отвергаетъ это предположеніе, какъ неосновательное, и утверждаетъ, что Неронъ только изъ тщеславія употреблялъ смарагдъ, совершенно такъ же, какъ наши щеголи носятъ монокль. Въ лучшемъ случаѣ, онъ защищалъ имъ глаза отъ палашаго солнца. Позднѣе стали съ этой цѣлью носить дымчатые стекла. Итакъ, къ портрету кроваваго цезаря надо прибавить еще штрихъ: претензію на фатовство.

ОБЪДЪ ГАСТРОНОМА.

Супъ изъ алигатора, плавники акулы, жаркое—львиная ляшка, вырѣзка изъ ноги слона и сладкое—кокосовые орѣхи, индѣйская похлебка изъ риса, миндаль и фисташки. Таково меню объѣда, который былъ данъ однимъ гастрономомъ улицы Ришелье въ Парижѣ въ честь его друзей—извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ. Многіе, конечно, поморщатся и предпочтутъ хорошую говядину, свинину или баранину. Но путешественники и знатоки увѣряютъ насъ, что мясо алигатора превосходить мясо домашнихъ животныхъ по жирности и сочности; что жаркое изъ змѣи—boa constrictor—ничуть не уступитъ телятинѣ, не говоря уже о львиныхъ бифштексахъ. Другой парижскій лакомка пригласилъ двадцать извѣстныхъ гастрономовъ къ обѣду и угостилъ ихъ передней четвертью льва, специально выписанной изъ Алжира. Что же касается обезьяны, то путешественникъ по Африкѣ Клаппитонъ утверждаетъ, что изъ десяти обезьянъ—девять встанутъ изъ-за стола въ полной увѣренности, что имъ подавали не обезьяну, а кролика, при томъ очень, очень недурного. Иные восхищаются вкусомъ мяса гиены, которое по ихъ словамъ, ничѣмъ не разнится отъ зайца—правда, въ хорошемъ изготовленіи. Наконецъ, о кенгуру мы встрѣчаемъ такой отзывъ австрайлскаго изслѣдователя доктора Баса: „нѣкоторыя части этого звѣря такъ же вкусны“, какъ и хорошая говядина. А супъ изъ кенгуру—лучшее, что смертный можетъ вообразить себѣ изъ суповъ“.

ИГРА ЦИФРЪ.

Напишите рядъ цифръ отъ 1 до 9, пропустивъ 8, и полученное число помножьте на 9, или на другое число, которое бы имѣло 9 первоначальныхъ множителемъ, до 81 включительно. Произведеніе будетъ всегда состоять изъ ряда единицъ, двоекъ, троекъ и т.д., въ зависимости отъ состава другихъ множителей. Напримѣръ:

$$\begin{aligned} 12345679 \times 9 &= 111111111 \\ 12345679 \times 36 &= 444444444 \\ 12345679 \times 72 &= 888888888 \end{aligned}$$

НОВЫЙ ТЕЛЕФОННЫЙ АППАРАТЪ.

Парижская академія наукъ не такъ давно ознакомилась съ послѣднимъ усовершенствованіемъ телефонной техники. Нѣкто Ритшъ изобрѣлъ аппаратъ, при посредствѣ котораго на любомъ пространствѣ передаются письмена и рисунки. Въ этомъ направленіи были и раньше производимы изысканія, но ихъ результаты сводились къ тому, что аппаратъ передавалъ лишь рядъ точекъ или черточекъ, т.е. въ общемъ приближались къ принципу—телеграфной системы. Новое же изобрѣтеніе позволяетъ воспроизводить на пространствѣ всѣ движенія пера или карандаша, со всѣми индивидуальными особенностями, которыя присущи данному почерку. Самый процессъ передачи распадается на три послѣдовательныхъ пріема: передача движенія карандаша параллельно поверхности бумаги, передача его же—перпендикулярно бумагѣ и

Новое здание Московской консерваторіи.
Наружный видъ.

движение самой бумаги, одновременно съ освѣщеніемъ чернилъ, въ случаѣ надобности. Въ частности устройство аппарата заключается въ слѣдующемъ. Карандашъ на станціи отправления соединенъ съ системой рычаговъ; при помощи электрической силы, ихъ движенья передаются такой же системѣ рычаговъ на станціи назначенія; послѣднія, въ свою очередь, передаютъ карандашу воспринимающаго аппарата малѣйшія движенья руки отправителя. Когда послѣдній

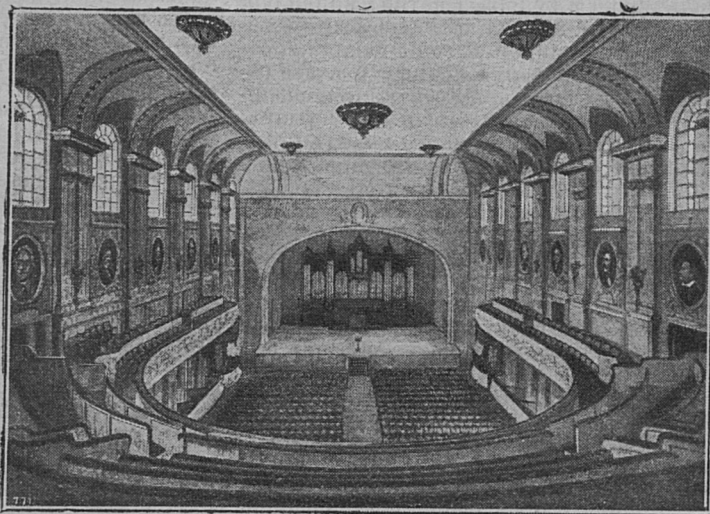
дѣлаетъ поправки или исправленія, воспринимающій аппаратъ отмѣчаетъ тотчасъ ихъ на бумагѣ. Пластика, на которой положена бумага, отличается такой чувствительностью, что нажимъ карандаша оставляетъ на ней углубленія, которыя вслѣдъ затѣмъ опять выравниваются; но нажимъ уже переданъ электрической катушкѣ и воспроизведенъ аппаратомъ назначенія. Особые пружины облегчаютъ развертываніе бумажной полосы, а оригинальное приспособленіе обматываетъ карандашъ въ чернила съ началомъ каждой строки. Удобство аппарата Ритша, или „телавтографа“, заключается еще въ томъ, что его дѣйствію нисколько не препятствуетъ отсутствіе адресата въ моментъ передачи, какъ оно имѣетъ мѣсто въ телефонномъ сообщеніи: по возвращеніи, адресатъ найдетъ на своемъ аппаратѣ точную копию съ письма или рисунка, начертаннаго отправителемъ.

КРАСНАЯ КОМНАТА.

Корь и скарлатина—двѣ болѣзни, которыхъ избѣжать не можетъ ни одно дитя. Исключенія очень рѣдки. Предохранительныхъ мѣръ противъ нихъ еще не знаетъ современная медицина. Но есть средства смягчить теченіе этихъ болѣзней, и, слѣдовательно, въ значительной степени сократить процентъ дѣтской смертности. Профессору Финзену удалось достигнуть въ этомъ направленіи весьма благопріятныхъ результатовъ. Ученый замѣтилъ, что иные свѣтовые лучи, именно химическіе (синіе и фіолетовые) имѣютъ свойство вызывать сильное раздраженіе и даже воспаленіе ко-

жи. Въ общепитіи, это называется—солнечный загаръ. Но если здоровые покровы болѣзненно реагируютъ на дѣйствіе химическихъ лучей, то тѣмъ вреднѣе вліяніе послѣднихъ на кожу, уже раздраженную воспалительными процессами кори и скарлатины. Исходя изъ этого положенія, Финзенъ задался цѣлью парализовать эту отрицательную силу свѣта тѣмъ, что въ комнатѣ, въ которой помѣщенъ больной, былъ данъ доступъ лишь краснымъ лучамъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, являются тепловыми лучами спектра, и на теченіе наложной болѣзни никакого вліянія имѣть не могутъ. Первые опыты Финзенъ дѣлалъ надъ оспой, и его пациенты, по выздоровленіи, имѣли такой же цвѣтъ лица, какъ и до заболѣванія: ни прыщей, ни рябинъ не было замѣтно у нихъ. Позднѣе было произведено такое же испытаніе надъ больными скарлатиной и корью, и симптомы болѣзни, въ зависимости отъ освѣщенія комнаты, было гораздо мягче выражены, нежели обыкновенно. Открытіе Финзена имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что устройство „красной комнаты“ доступно всякому. Стоитъ лишь примѣнить любой изъ двухъ предложенныхъ германскимъ ученымъ способовъ. Первый состоитъ въ томъ, что окна въ данномъ помѣщеніи завѣшиваются непроницаемыми для свѣта шторами; получает-

Новое здание Московской консерваторіи. — Концертный залъ.

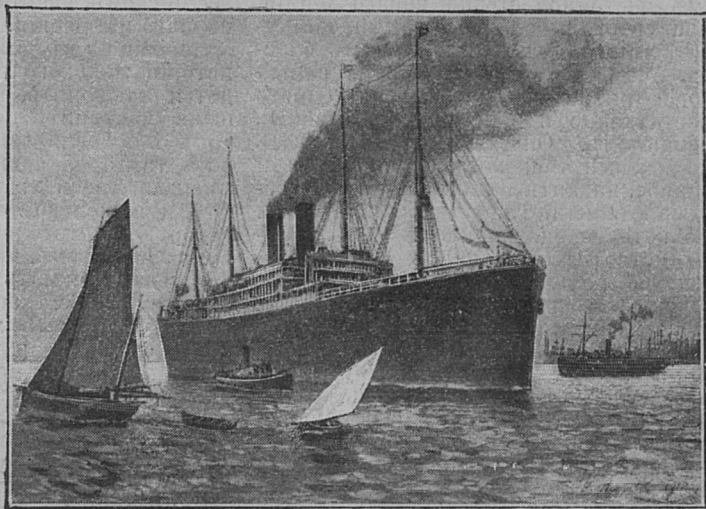
ся, значитъ, камера, для проявленія фотографическихъ снимковъ; сходство съ ней будетъ полное, если разогнать мракъ слабымъ свѣтомъ лампы съ краснымъ абажуромъ или фонаря, который можно найти во всѣхъ магазинахъ фотографическихъ принадлежностей! Источникъ свѣта долженъ, по возможности, быть отдаленъ отъ больного. Второй способъ болѣе простъ. Окна затягиваются такой матеріей, которая бы пропускала лишь красные лучи. Можно, напр., употребить съ этой цѣлью второе, вчетверо сложенный шертингъ. Обыкновенными гвоздиками, или кнопками, которыми пользуются худож-

ники для прикрѣпленія картона и полотна къ мольбрету, матерія плотно натягивается на оконномъ переплетѣ, чтобы не было просвѣтовъ. Если въ комнатѣ топится печь, то надо заслонить ее ширмами или экраномъ, иначе химическимъ лучамъ будетъ снова открытъ доступъ. Все изложенное показываетъ, насколько понятна и осуществима метода проф. Финзена. Если не всегда можно рассчитывать на успѣхъ, то никогда не должно упустить случая попытаться достигнуть его.

Величайшій пароходъ въ мірѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ такой пароходъ спущенъ на воду съ кораблестроительныхъ доковъ въ Бельфаствѣ. Его имя—„Кельтиксъ“. Еще два-три мѣсяца—онъ будетъ оснащенъ и начнетъ свою службу. Размѣры этого морского чудовища по истинѣ изумительны: водоемкость равна 37,700 тоннамъ; грузоспособность—20,880 тоннамъ. Длина—220 метровъ, ширина 23,6 метра, глубина измѣненной 15,14 и посадка въ водѣ—11,5 метра. Команда, обслуживающая „Кельтиксъ“, состоитъ изъ 335 человѣкъ. Каюты рассчитаны на 500 пассажировъ, а междупалубныя помѣщенія на 2,352. Трюмы могутъ вмѣстить 12,000 тоннъ груза. Внутренняя отдѣлка каютъ и залъ поражаетъ роскошью и комфортомъ. Единственный недостатокъ новаго парохода—медленный ходъ, не превышающій 17 морскихъ миль въ часъ, тогда какъ по Океану носятся курьеры гамбургъ-американской линіи, проходящіе по 23 мили въ часъ. Двѣ машины работаютъ самостоятельно другъ отъ друга, развивая для двухъ винтовъ до 14,000 лошадиныхъ силъ. Несмотря на огромные размѣры, внѣшность парохода не лишена красоты; этому отчасти содѣйствуетъ то, что палуба, отъ кормы до носа, устроена совершенно ровно, безъ малѣйшаго уклона. По серединѣ судна возвышаются трехэтажныя рубки, въ которыхъ расположены каюты и открытыя галереи для прогулки. Ближе къ носу—капитанскій мостикъ, также въ три этажа.—Нечего и говорить о томъ, что всѣ спасательныя приспособленія рассчитаны на число пассажировъ, что до двадцати лодокъ готовы къ спуску, при помощи парового крана. Всѣмъ морскому колосу исчисленъ въ 754,000 центнеровъ. При всемъ томъ, спускъ „Кельтика“ съ дока обошелся безъ всякихъ несчастій или только непріятныхъ случайностей.

Величайшій пароходъ въ мірѣ.